

II. ВЗАИМОСВЯЗЬ СЛАВЯНСКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ЯЗЫКОВ

К ВОПРОСУ О ДРЕВНЕСЛАВЯНСКОМ ЯЗЫКЕ КАК ОБЩЕМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ ЮЖНЫХ И ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН

Дальнейшее плодотворное и успешное изучение ранних периодов истории славянских литературных языков, в первую очередь восточных и южнославянских — русского, отчасти украинского и белорусского, сербского и болгарского, в значительной степени осложняется из-за отсутствия исследований литературного древнеславянского языка, т.е. языка старославянского и церковнославянского¹. Молчаливое или прямое признание существования древнеславянского литературного языка в эпоху средневековья и даже в преднациональный период можно найти во многих исследованиях прежних лет и в ряде работ последнего времени, однако до сих пор, как правило, проблемы, связанные с его историей, почти не изучались самостоятельно и поднимались главным образом в связи с рассмотрением различных периодов истории отдельных славянских языков, в связи с вопросом о тех или иных влияниях, с проблемой самостоятельности, с проблемой соотношения "книжного" и "народного" начал. А между тем данные письменных памятников различных славянских народов позволяют поставить вопрос о существовании единого славянского литературного языка, функционировавшего с IX в. почти до конца XVIII в., и распространяемого среди восточных и части южных славян, а в ранний период и среди славян западных. Древнеславянский литературный язык, таким образом, может иметь и свою внешнюю и внутреннюю историю и свою специфическую проблематику.

Историю древнеславянского литературного языка на первых этапах исследования целесообразно строить, используя метод синхронных срезов, т.е. рассмотрения хронологически одновременно написанных или переписанных памятников, возникших на территории так называемого "греко-славянского мира", т.е. в среде православных восточных и южных славян и влахо-молдаван². Производя синхронные срезы по эпохам, мы можем говорить о единстве древнеславянского литературного языка лишь в том случае, если примем не только положение о смене норм в плане диахроническом (т.е. изменение в произношении того или иного звука, например *q*, замена той или иной морфологической формы или синтаксической конструкции другой, изменение словарного состава и т.п.), но и положение

об изменчивости свободы нормы, ее границ, допустимости большего или меньшего числа вариантных форм и языковых элементов.

В последнем случае при сравнении разных синхронных срезов мы обнаружим часто значительное различие и будем вынуждены для каждой отдельной эпохи пользоваться приемом, близким к приему моделирования, т.е. устанавливать определенные нормы, не соответствующие вполне исторически известным нормам той или иной школы письменности (например, тырновской или ресавской). Иными словами, критерии для определения единства древнеславянского литературного языка в различные эпохи будут различными, так же как окажутся различными и сферы функционирования древнеславянского литературного языка в разнообразных жанрах литературы (письменности), бытовавшей у отдельных южно- и восточнославянских народов.

Старославянский язык рассматривался до сих пор преимущественно как система или модель, из которой исходили при реконструкции праславянского языка³, т.е. при установлении языкового состояния более раннего периода, либо при объяснении отдельных, диахронически исследуемых фактов исторической фонетики и грамматики конкретных славянских языков, т.е. при объяснении состояния более позднего периода. С позиций науки о литературном языке старославянский язык стали рассматривать лишь недавно и то преимущественно в плане его внешней истории, однако не менее важной является задача внутреннего рассмотрения старославянского языка как структурного целого⁴, оказавшегося после своего возникновения в качестве литературного языка в определенных коррелятивных отношениях с живыми славянскими, в том числе и южнославянскими и древнемакедонскими диалектами. Это был язык "священный", т.е. нормализованный, функционально отличный от народного разговорного языка, как всякий литературный язык, в известной степени искусственный и в эпоху средневековья арсально-интернациональный (ср. в его составе моравизмы, восточноболгаризмы, герцизмы, латинизмы и т.п.)⁵.

Подобному представлению о старославянском языке несколько не противоречит тот факт, что его диалектной основой было древнее македонское наречие⁶. В типологически сходных условиях и соотношениях произошло совсем недавно возникновение современного македонского литературного языка, почти не имевшего ближайшей литературной традиции и созданного в кратчайший срок на основе центральных македонских говоров. Современный македонский литературный язык нельзя считать простой фиксацией в литературе прилежно-веледских говоров: он оказывается отличным от последних и функционально, и формально.

Возникши в качестве литературного языка, старославянский язык оказался тем эталоном-моделью, который определял формальную, в значительной степени лексическую и даже стилистическую сторону

древнеславянского литературного языка в течение почти всей его истории.

Этому положению во многом способствовало то обстоятельство, что древние памятники, переведенные Кириллом и Мефодием и их учениками, имели в древнеславянской письменности главную роль с точки зрения канонов того времени, находясь иерархически в высшей позиции. Если рассматривать южно- и восточнославянскую письменность — древние южно- и восточнославянские литературы — не в плане ее национального своеобразия (что, разумеется, также может оказаться необходимым) или в аспекте ее "художественности" и светскости, а в аспекте, требующем определения норм и функциональных границ литературного языка и притом с подходом строго историческим, не допускающим модернизации и замены древних норм и канонов современными представлениями, то эта письменность может быть схематически представлена как фигура с рядом иерархически подчиненных ярусов, отражающих различные жанры, в которой вслед за каноническими (евангелие, псалтырь и др.) и литургическими текстами следует литература аскетическая, проповедническая ("слова" и т.п.), агиографическая, повествовательная (повести, "романы" и т.п.), апокрифическая, историческая (хронографы, летописи), паломническая ("хождение" и др.), художественно-поэтическая, публицистическая и др. Безусловно, внутри этой фигуры соотношение ярусов по жанрам требует детализации и является значительно более сложным, чем приведенный нами порядковый перечень. Однако при определении норм древнеславянского литературного языка следует учитывать в принципе хорошо известный факт, что тексты верхнего яруса оказываются более консервативными и более четко нормированными, дающими меньшее число отклонений от устанавливаемой для каждой эпохи модели, а в текстах нижнего яруса строгость нормы оказывается более свободной, более подверженной влиянию народно-разговорного "субстрата". При этом некоторые памятники останутся вовсе вне установленных нами границ, вне сферы древнеславянского литературного языка. Правда, такое соотношение в разные эпохи будет различно; кроме того, близость к языковой норме или отдаленность от нее для самого верхнего яруса может быть далеко не одинакова и внутри одного жанра (например, в жанре повестей).

Устойчивость (но не неизменность) основных элементов модели старославянского языка в течение веков объясняется устойчивостью литературы, которую древнеславянский литературный язык обслуживал. Во-первых, в основном своем ядре (в него входят прежде всего верхние ярусы) эта литература оказывается единой для всего "греко-славянского" ареала, во-вторых, в ней почти не было произведений, имевших для более поздних эпох лишь историко-литературное в нынешнем понимании этого слова значение. Памятники ее сохраняли потенциал современности для читателей в течение пяти и более столетий⁷. Длительность литературной жизни таких памятников, как Александрия, Сказание об Индийском царстве, Житие Варлаама и Иоасафа, История Иудейской войны Иосифа

Флавия, Греческая притча, Стефанит и ихинилат и др., не говоря уже о канонических произведениях, наконец, довольно высокая техника и точность копирования списков поддерживали непрерывность традиции древнеславянского литературного языка. Древнеславянский литературный язык был одним из основных формальных показателей среднеславянской "синкретической" литературы⁸. Характерно, что его исчезновение происходит почти одновременно с исчезновением самой этой литературы, с переходом ее от "синкретизма" к художественности, с исчезновением всего комплекса религиозных, моральных и эстетических представлений, характерных для греко-славянского мира периода X—XVII вв.

2

Стремление к сохранению древних норм и поиски древних списков для копий характерны почти для всех эпох вплоть до XVII в. Оно особенно ярко и своеобразно преломилось в Московский Руси, где обе враждующие стороны — и сторонники Никона исправлявшего книги по древним образцам, и раскольники, охранявшие древность с незначительными и довольно ранними отклонениями, принимавшимися за норму, отстаивали один и тот же принцип "святой старины". Отклонения в нормах древнеславянского литературного языка не были коренного характера и сводились в общем к частностям. Различия между изводами⁹ в так называемый среднеславянский период (см. ниже схему периодизации) были часто в принципе не большими, чем между троскратным и двухкратным "аллилуйя".

Само понятие нормы для древнеславянского (церковнославянского) языка, сменившего старославянский, может быть представлено в историческом аспекте и воспринято для некоторых эпох достаточно широко, с допущением известных, в первую очередь фонетических, а затем и грамматических и лексических вариантов¹⁰. Двойное произношение буквы Ж (как у — у русских и сербов и, вероятно, как ѣ — у болгар) и буквы А (как ѧ — у русских и как е — у южных славян) или даже написание оу (ѡ) вместо Ж и е вместо А¹² ничем в принципе не отличается от известного в современном сербскохорватском литературном языке двойного произношения: экавского и екавского — рефлексов бывшего ѣ (ѧно: лено — лјено) и ряда других подобных орфоэпических вариантов¹¹. Еще меньше значение следует придавать орфографическим вариантам типа написаний ѧа — ѧа, аа — аа и т.п. и прежде всего колебаниям в написании ѣ и ѧ¹⁴. Разделение многих древнеславянских памятников и их классификация по различным изводам (русским, сербским, болгарским и т.п.) подчинялись прежде всего задачам изучения истории списков и текстов и истории языка (чаще всего исторической фонетики и грамматики, нуждавшейся в, пусть даже отрывочных и скудных, но достаточно древних письменных зафиксированных фактах) и в меньшей мере задачам изучения истории литературного языка, требующим в данном случае иного критерия

и подхода. Между тем различие протонормы одной графемы (например, Ъ, Ж, А) или "варианта" типа *очь, чурь, сабца, сабца* могут входить и безусловно с большим правом рассматриваться как варианты одной, несколько шире понимаемой нормы, чем разницей в написании типа *чѣсть — цѣсть, цаща — уаща* (новгородское, двинское, исквовское) или *вразду — вразди, зизлею — жезлею, написи — напши* (исквовское) или в более поздний период (XVII в.) типа *Озорпий — Азорпий, Офобасей — Афанасий* (севернорусское, московское) и т.д. Подобным образом может быть поставлен вопрос и о морфологических, синтаксических и лексических вариантах.

Если взять определенные памятники, хронологически относящиеся к одному периоду, например к XV в. или XVI в., и произвести их сопоставление, отбрасывая от частных фонетических, орфографических и иных вариантов, т.е. допуская известную свободу нормы, то во многих случаях окажется, что некоторые, например русские, памятники отстоят по чертам языка и стилю от других русских памятников той же эпохи гораздо дальше, чем от ряда сербских, болгарских и славяно-влахско-молдавских памятников¹³.

Язык сочинений Курбского или Грозного, не говоря уже о "Домострое" (этот памятник, видимо, вовсе не надо рассматривать в сфере истории литературного языка), будет дальше от языка произведений митрополита Кирилла, Максима Грека, Зиновия Отенского и др., чем язык последних от языка Григория Памблага, Константина Костенечского и др. Мало соответствий с произведениями современников найдет речевая система произведений протопопа Аввакума (XVII в.) (не говоря уже о списках сочинений, возникших ранее, которые также следует учитывать, ибо они были фактом литературной жизни своей эпохи). А "русский" язык таких произведений, как Александрия, будет в ранних списках мало чем отличаться от языка Александрии сербской и болгарской.

По сути дела в этом случае, как и во многих других, нам будет удобнее признать язык сербской, болгарской, русской, сербо-болгарской, русско-болгарской и др. редакции единым древнеславянским (или "церковнославянским", или "книжнославянским"), литературным языком, независимо от того факта, что в разные эпохи он мог находиться под влиянием определенного народно-разговорного субстрата, служившего источником его обогащения, и тем самым изменять свое лицо.

Определив нормы древнеславянского литературного языка, вернее инварианты норм, для каждой эпохи, мы должны также определить круг памятников, входящих в его сферу. При этом "чуждый" ряд русских, болгарских, сербских памятников, особенно позднего периода, окажется вне границ этой сферы, однако при их исследовании крайне важным явится определение отношения их языка к языку древнеславянскому. Нельзя начертать процесс истории собственно древнерусского литературного языка (т.е. языка памятников, не входящих в определяемую нами древнеславянскую сферу) в отрыве от процесса истории древнеславянского литературного языка, так как

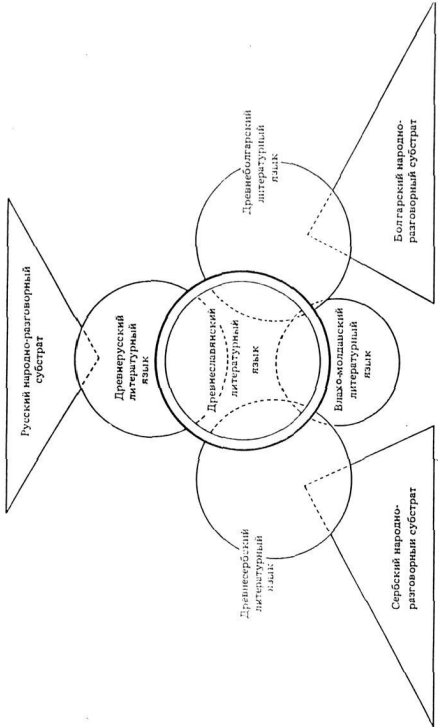
первый не проходил параллельно и независимо от последнего. Древнеславянский литературный язык выполнял роль стабилизатора и изучение древних восточно- и южнославянских литературных языков без учета их коррелятивных отношений с общим древнеславянским крайне затруднительно. При этом между упомянутыми "языками" в среднедревнеславянский период (см. ниже схему периодизации) слагались отношения не двуязычия (двуязычие было скорее в плане литературного и разговорного языка)¹⁴, а основного ядра и периферийно расположенных вокруг него сфер. Где действовали и центробежные и центростремительные силы. Внешними сферами по отношению к древнеславянскому литературному языку и к языку памятников вне его границ (т.е. с довольно ярко окрашенными русскими, сербскими и болгарскими чертами вне норм древнеславянского языка), воздействующими, однако, на всю систему сфер (или "типов") языка древнеславянской письменности, были живые народные диалекты, обозначаемые нами в силу их функциональной роли как народно-разговорные субстраты. Воздействие народно-разговорных субстратов на древнеславянский литературный язык шло во многих случаях не непосредственно, а через периферийные сферы (ср., например, роль письменно-делового языка в поздний период развития древнеславянского литературного языка).

Если положить в основу локальный критерий, т.е. критерий места написания памятника, его перевода или копирования ("извода"), и рассматривать только язык памятников, связанных с одним ареалом (например, восточнославянским, т.е. древнерусским), то обнаружится наличие двух "типов" литературного языка (по терминологии В.В. Виноградова¹⁵) — "книжно-славянского" и "народно-литературного"¹⁶. Книжно-славянские "типы" древнерусского, древне-сербского и древнеболгарского¹⁷ литературного языка войдут в качестве компонентов в сферу древнеславянского литературного языка. Памятники "народно-литературного" языка окажутся или вне его сферы, или примыкающими к ней (отметим, что число памятников, четко отражающих "народно-литературный тип", немногочисленно: этот тип лишь в редких случаях будет представленным в своем "чистом" виде, без элементов "книжнославянского").

Вышеизложенные положения можно было бы представить в виде схемы (см. с. 40), которая в известной мере применима ко всем периодам истории древнеславянского литературного языка, но наилучшим образом отражает состояние XIV—XVI вв.

3

При изложенной постановке вопроса о едином древнеславянском литературном языке следует учитывать, что степень его единства в разные исторические эпохи была неодинаковой. В истории древнеславянского литературного языка периоды действия центробежных сил сменялись периодами действия сил центростремительных, ведущих к унификации норм литературного языка. При этом в плане "внешнем" важен учет миграции центров, а в плане "внутреннем" — смета периодов с большей и меньшей свободой нормы. Со сменой

центров часто происходила и смена норм под влиянием того или иного народно-разговорного "субстрата". Тем самым определение норм в различные эпохи (иначе говоря, при различных синхронных срезах) будет различно. "Нормы" эти, или модели, в большинстве случаев не будут совпадать с реально существовавшими в древности нормами отдельных школ (например, тырновской или ресавской). В принципе окажется важным определение инвариантного типа и построение на его основе модели в каждую конкретную эпоху, а затем, для определения исторического процесса, установление преемственности моделей и их отношения к немоделируемому материалу, т.е. памятникам, не фиксирующим языковые факты, которые можно было бы квалифицировать как варианты по отношению к норме. Таким образом, отметим еще раз, не все памятники древнеславянской письменности (русской, сербской, болгарской и др.) войдут в сферу применения древнеславянского литературного языка.

Недостаток конкретных исследований затрудняет построение хотя бы схематической истории древнеславянского литературного языка и его периодизации. Тем не менее такое построение необходимо древнеславянский язык не оставался неизменным, несмотря на отмеченную выше организующую и нормализующую роль старославянского языка. Расширялся круг письменных памятников, письменность жанрово обогащалась (хотя имелись жанры в южно-и восточнославянских литературах, для которых было менее или мало характерно использование древнеславянского литературного языка); но гораздо большее значение имел тот факт, что в истории древнеславянского литературного языка сменялись хронологические периоды с центростремительными тенденциями и тенденциями центробежными, и происходила довольно последовательно смена центров, постепенная с течением времени их миграция с юга на восток. В некоторые периоды, как, например, в XVII в., обнаруживается наличие двух или более центров (в указанный эпоху — Вильна, Киев, Москва), ведущие к известной двойственности и параллелизму норм. (ср., например, различия в первом и втором издании грамматики Мелетия Смотрицкого). Со сменой центров изменился характер соотношения единого древнеславянского литературного языка с народно-разговорными "субстратами". Естественно, что влияние на развитие древнеславянского литературного языка оказывал тот субстрат, где находился центр. Однако и этот вопрос не может разрешаться прямолинейно, без учета конкретных исторических условий: если для школы патриарха Евтимия характерен отказ от проникавших в литературный язык черт живого болгарского языка (анализируем, некоторые фонетические явления и т.п.), принципиальный консерватизм, то для более поздней эпохи (например, для московской школы) характерно прямое принятие ряда фонетических, морфологических и лексических элементов живого русского языка (так возникла поздняя русская редакция церковнославянского языка).

Центростремительные тенденции выражались, как мы уже отметили, в унификации норм древнеславянского литературного языка (подчеркнем еще раз: они могли быть различными в разные эпохи).

восточная традиция святого и деятельного старца-византия школы, оказывавших влияние на широчайшую часть южно- и восточнославянского ареала. Здесь, не считая ранней эпохи Кирилла и Мефодия и эпохи царя Симеона, следует отметить деятельность и авторитет тырговицкой школы, патриарха Килияна в Болгарии, ресавской школы в Сербии и связанную с ней активность Константина Костенечского и Григория Цамблака, второе южнославянское влияние на Русь и "исправление книжное" митрополита Киприана, энциклопедический труд митрополита Макария, деятельность Пахомия Логофета, Максима Грека и др., начало книгопечатания (несколько центров: Краков, Вильна, Острог; Обод, Белград, Горажде; Москва, Тырговище и др.), наконец, формирование "западнорусской" (ранней украинско-белорусской) школы, деятельность князя Острожского и князя Курбского, создание Киевской академии (митрополит Петр Могила и др.), унифицирующую роль норм грамматики Мелетия Смотрицкого и ее влияние на славянском Востоке и Юге и в конце концов — в известной мере — деятельность проповедников и переводчиков петровского и послепетровского времени в России и влияние их норм на литературный язык Сербии и отчасти Болгарии в XVIII в.

Центробежные устремления носили локальный характер по отношению к единому греко-славянскому миру, если не оказывалось, что те или иные локальные нормы впоследствии, в связи с миграцией центра, становились всеобщими. Они были собственно сербскими, болгарскими, великорусскими, украинскими и т.д. Однако нередко они были локальными и по отношению к отдельному ареалу одной из славянских народностей (например, псковские, новгородские черты). Особенно сильно проявлялись узко локальные тенденции у восточных и южных славян — "иноверцев" (мусульман, протестантов, католиков и др.), ибо отказ от древнеславянского языка означавал собой неприятие ряда норм религиозной и общественной жизни и отвечал требованиям "миссионерства". Эти тенденции проявились отчасти, но только отчасти, в царской литературе раскольников, где архаические штампы часто инкрустировались в живую народную речь¹, и в полной мере в литературе белорусов-мусульман с арабским письмом (XVI в.), в литературе болгар-протестантов в Семиградье с латинским письмом (XVI в.) и болгар-"пауликиан" (католиков) в Болгарии (XVIII в.). Микролокальные потенциально литературные языки белорусов-мусульман и болгар-протестантов и католиков находились полностью вне сферы древнеславянского литературного языка. Что касается литературных языков более широкого локального типа, то они не были свободны от влияния языковой модели древнеславянского литературного языка, и это сказывалось иногда даже не столько в использовании отдельных формальных элементов (фонетического и морфологического характера), сколько в общей структуре и отборе языковых средств (прежде всего лексических) из арсенала народного языка.

4

(Обращаясь к вопросам периодизации истории древнеславянского литературного языка, важно подчеркнуть, что вообще при периодизации истории литературного языка следует руководствоваться иными моментами, чем при периодизации истории языка в плане исторической фонетики и грамматики. Здесь прежде всего должен сказаться иной подход к языковому материалу и источникам. Это важно не только в тех случаях, когда некий этнический комплекс, пользовавшийся одним языком, имевший один народно-разговорный "субстрат", как, например, сербы и хорваты, обладал в определенные периоды двумя (или даже более) литературными языками. Судьба литературного языка в Сербии в средневековый период была ближе к судьбе болгарского литературного языка, где довольно рано была сужена и позже почти оставлена церковнославянская традиция и развивались очень значительные "областные" литературы со своими литературными языками (далматинская, славонская, кайковская). Это важно и тогда, когда один народ пользовался одним литературным языком (как, например, болгарский или македонский), который сам возник в раннюю эпоху на основе одного из народных диалектов.

Историк болгарского языка (не литературного!), к примеру, не может пройти мимо памятника XIV в. под названием Троянская притча (из ватиканского списка летописи Манассии). В этом широко известном науке небольшом тексте впервые ярко проявились грамматические черты современного болгарского языка. Текст этот, однако, по своему языку один из памятников XIV в., даже XV в. и начала XVI в. Естественно, что его значение для историка языка столь велико, что периодизация истории болгарского языка по многом строилась и строится отчасти до сих пор на его показаниях. Немалое значение для историка языка имеют также свидетельства Чергедских молитв (памятник XVI в. болгар-протестантов из Семиградья, отражающий народный язык метрополии более ранней поры). Для историка литературного языка, однако, эти памятники не имеют почти никакого значения. Упомянутый список Троянской притчи можно рассматривать в лучшем случае как единственный опыт внедрения разговорного языка в литературный, а вернее было бы его считать образцом литературной малоработности писца. Наряду с этим одиноким списком существует значительное число списков той же Троянской притчи, довольно последовательно отражающих литературный древнеславянский язык².

В эпоху средневековья литературный язык, как правило, отличался от народного языка, от диалектной речи/ Исследователь литературного языка, как отмечалось выше, устанавливает после изучения круга памятников инвариантную норму для определенной эпохи/ (синтезирующий процесс, после индуктивного анализа), а затем уже, исходя из нее, проводит классификацию всех памятников по признаку их принадлежности к литературной норме (дедуктивный процесс). При этих операциях исключительную роль играет

... исторический фактор. Для историка литературного языка, таким образом, основным и необходимым ориентиром является литературная норма. Вопрос о трудностях ее установления для древних периодов не опровергает этой необходимости. Для историка языка, наоборот, максимально удаленный от литературной языковой нормы и иногда даже единичный в этом отношении памятник становится центральной вехой при его научных построениях.

Современные исследователи литературных славянских языков, особенно восточнославянских, нередко опираются на схему истории языка (т.е. исторической грамматики и лексикологии) и придают особое значение тем памятникам, которые отклоняются от общей инвариантной нормы литературного языка и более других отражают черты народного "субстрата". Это вызывается в некоторых случаях подсознательным стремлением к модернизации древнего периода истории литературного языка, стремлением усмотреть в нем черты, близкие к современному литературному языку, принять их за основные, характерные для всего периода развития. При этом понятие литературного языка (а тем самым и памятников этого языка) часто почти беспредельно расширяется, в его сферу включаются даже частные письма (например, новгородские берестяные грамоты), отдельные юридические документы, произведения устного народного творчества и др.²¹ Между тем категория литературного языка — явление историческое, изменчивое. В древний период литературный язык не был поливалентен (т.е. не обслуживал все области общественной жизни), он был ограничен в своей функциональной сфере и отличен от языка народного "субстрата". Нередки случаи, когда история литературного языка (особенно некоторые ее хронологические разделы) строится на более периферийных моментах²²; в то же время из нее легко исключаются канонические тексты, аскетические сочинения, апокрифическая, а иногда и вообще вся переводная литература, оказавшаяся в древней Руси и на славянском Юге огромное влияние на судьбы литературного процесса и развитие литературного языка²⁴.

Невнимание к переводной литературе, видимо, объясняется ее источником, но ведь язык этой литературы был не греческим, не латинским или древнееврейским, а своим — древнеславянским. Кроме того, литературная проблема "своего и чужого" в эпоху славянского средневековья и несколько позже воспринималась отнюдь не в том плане, как она начала восприниматься в новое время и воспринимается сейчас. В подходе к этой проблеме у некоторых историков литературного языка снова, надо полагать, сказывается модернизация. Водораздел шел не столько по национальной линии (вернее, народно-племенной), сколько по культурно-религиозной. Историк литературного языка должен иметь представление о древних славянских литературах в целом, об их жанровом разнообразии при общем, в принципе синкретическом, характере, об удельном весе и авторитете произведений отдельных жанров, об их общественном функционировании и роли в истории литературы и письменности, наконец, о их роли в развитии литературного

языка и его стилей. В связи с этим не следует пренебрегать статистическими данными о памятниках, бытовавших, например, в древней Руси. Не отводя в данном случае статистике решающей роли и сознавая, что сохранившееся наследство не отражает полно и достаточно точно древнее состояние, отметим, что все же данные численного соотношения памятников позволяют сделать важные выводы. Описание рукописей общественных книгохранилищ и бывших частных собраний дает ценный материал, но более убедительными оказываются материалы о составе древних (например, монастырских и частных) библиотек. В них можно отметить решительное преобладание канонической, аскетической, агнографической и им подобной литературы. Эта литература, большей частью переводная, была общей для восточных и части южных (православных) славян, а также для валахов и молдаван. На образцах этой же литературы и прежде всего на псалтыри — являлась средневековая система обучения грамоте и литературному языку.

Лишь в процентно небольшой части, главным образом в более позднюю эпоху, можно отметить в русской, а также в сербской и болгарской литературе наличие произведений, не бытовавших у других славянских народов "греко-славянского мира". К числу почти не бытовавших за пределами узкокалольного ареала следует отнести памятники деловой речи восточных и южных славян²³, возникавшие в целом ряде случаев также по различным византийским образцам²⁶. Однако, несмотря на значительное влияние на язык этих памятников древнеславянского литературного языка, едва ли возможно построение для них единой "языковой модели"; изучение их языка должно вестись вне сферы древнеславянского литературного языка, отдельно для каждого языка — сербского, болгарского, русского украинского и т.д. Роль языка деловой письменности в период, предшествующий формированию национальных литературных языков, у русских (вернее, у восточных славян), с одной стороны, и у сербов и болгар — с другой, была различна. Если на славянском Востоке, предварительно оформившись, она постепенно начинала проникать в литературный язык, то на славянском Юге из-за отсутствия государственности в этот период она играла ничтожную роль, что позволяет даже говорить о ее деградации по сравнению с средневековым периодом. В эпоху XVII в. в России народно-разговорная "субстратная" речь проникает в литературный древнеславянский язык главным образом посредством деловой письменности — "приказного языка", а в сербский и болгарский язык — непосредственно. В XVIII в., во второй его половине, среднеделовой стиль русского языка оказал сильное влияние на сербский литературный язык, а отчасти и на болгарский.

Поиски диалектной основы древнеславянского литературного языка в целом или некоторых его компонентов в отдельные эпохи правомерны для исследователя исторической грамматики и лексикологии того или иного языка, но для исследователя литературного языка

вопрос территориального распределения слова или формы в диалектах, т.е. о их первоисточнике, имеет часто второстепенное значение. Войдя в систему речевых и стилистических средств литературного языка, эти слова и формы должны уже рассматриваться как компоненты его системы, и наличие или отсутствие отдельного слова в том или ином локальном "субстрате", понятность или неудобопонятность его для читателя, мало причастно к "премудрости книжной", не могут быть определяющими и квалифицирующими критериями, если не ставить специальной проблемы о соотношении древнеславянского литературного языка и языка разговорного.

Даже для старославянского языка поиски диалектных истоков относятся больше к области внешнесистемных исследований и могут не приниматься во внимание при исследовании его с "внутренней" стороны, т.е. при его рассмотрении как языковой системы, выполняющей определенную функцию литературного языка. Ответ на вопрос "откуда?" далеко не всегда дает возможность разрешения вопроса, как используется тот или иной элемент (или ряд элементов) и в каком соотношении он (или они) находится к элементам внутри системы (или просто оказывается вне ее). Более закономерен вопрос, функционирует ли этот элемент или не функционирует, вошел ли он в систему или является чужеродным, иначе — соответствует ли он норме или нет. Известны, конечно, и попытки создания новой нормы (например, язык украинского Пересопницкого евангелия), но тогда прежде всего перестраивается система, а кроме того важно, является ли эта норма общей для всего восточно- и южнославянского ареала, или для его части, или, наконец, она оказывается узколокальной.

В отличие от литературной средневековой латыни в Европе или от арабского литературного языка на Востоке, распространенных на территориях, охватывавших народно-разговорные языки различных семей, старославянский язык, возникший на базе одного из южнославянских диалектов, будучи международным языком славянства, обслуживая, исключая валахов и молдаван, только литературу народов, говорящих на близких к нему наречиях одной языковой семьи, и потому сравнительно легко воспринимал черты других славянских диалектов. Этот процесс усиливался в течение средне- и позднеславянского периода и был тесно связан с фактом миграции центров. На почве народных "субстратов" возникали новые слова и формы, которые условно можно обозначить как "славяно-русизмы", "славяно-болгаризмы", "славяно-сербизмы". Они также (правда, не все — и здесь нужно еще провести специальные исследования) входили в структуру общего древнеславянского литературного языка. Современники, пользуясь ими как компонентами древнеславянского литературного языка, часто осознавали их диалектный первоисточник². Интернациональный характер древнеславянского литературного языка усугублялся также обилием гречизмов (в синтаксисе, во фразеологии — кальки, в лексике). При этом не следует полагать, что греческое влияние было

однородным и типичным лишь для первого периода истории древнеславянского литературного языка, — оно было характерно почти для всех эпох, в том числе и сравнительно поздних (ср., например, гречизмы в грамматике Мелетия Смотрицкого и возражения Юрия Крижанича).

В различные эпохи возникали сложные соотношения элементов, унаследованных от старославянской письменности, с элементами, проникшими из того или иного народно-разговорного "субстрата", и, наконец, с элементами иноязычными (неславянскими), в первую очередь греческими, которые также были неоднородны по своему составу и характеру в разные периоды истории древнеславянского литературного языка.

Несмотря на трудность поставленной задачи, исследователь все же может определить нормы древнеславянского литературного языка в различные эпохи, построить при ряде синхронных срезов серию моделей³, определяя при этом состав памятников, входящих в сферу древнеславянского литературного языка и выходящих за его пределы. При этом представляется необходимым особенно четкое и строгое установление границ древнеславянского литературного языка, понимаемого нами как единый язык, а не конгломерат различных литературных языков, хотя естественно, что здесь можно обнаружить ряд переходных моментов.

Отметим, что построение истории древнеславянского литературного языка не отрицает важности исследования истории отдельных славянских литературных языков, а скорее наоборот — оно является необходимым условием создания последних, так как, как уже отмечалось, без учета коррелятивных отношений "локальных" древних славянских литературных языков (древнерусского, древнесербского, древнеболгарского, а затем украинского и белорусского старшей эпохи) с древнеславянским литературным языком изучение их крайне затруднительно. Или, пользуясь терминологией В.В. Виноградова, "народно-литературный тип" из-за крайней неустойчивости его норм, а может быть, и отсутствия их в древнейшую эпоху трудно поддается исследованию без соотношения с моделью (нормой) "книжнославянского типа".

История древнеславянского литературного языка может быть представлена с опущением всех деталей в следующей весьма предварительной периодизации:

I период: IX—X, отчасти XI в. — ранний древнеславянский литературный язык — старославянский язык. Эпицентр: Македония, Восточная Болгария.

II период: XII—XVI вв. — средний древнеславянский литературный язык:

- a) XII—XIII вв. — известная децентрализация;
- б) XIV—XV вв. — централизация. Центры: тырновская школа, ресавская школа. "Второе южнославянское влияние" на Русь;
- в) конец XV—XVI вв. — смещение центров. Центры: Западная Русь, Москва. Начало децентрализации. Вторая половина XVI в. — выход из сферы древнеславянского литературного языка части кано-

писечной и церковно-проповедческой литературы в отдельных локальных ареалах (Пересопницкое евангелие, дамаскина).

III период: XVII—XVIII вв. — поздний древнеславянский литературный язык:

а) XVII в. — децентрализация. Параллельное развитие "ареальных" и "локальных" литературных языков вне сферы древнеславянского литературного языка. Центры: Киев, Вильна, Москва;

б) XVIII в. — последняя централизация под влиянием древнеславянского литературного языка позднего русского типа. Центр: Москва. Наряду с этим, особенно во второй половине XVIII в., зарождение национальных литературных славянских языков.

Период так называемого позднего древнеславянского литературного языка — эпоха XVII—XVIII вв. — характеризуется сложными процессами, подготавливающими почву для образования национальных литературных славянских языков. Начинаясь "кризис" единого древнеславянского литературного языка, воспринявшего значительное число элементов русского народно-разговорного "субстрата", сужается его функциональная сфера, однако в XVIII в. его унифицирующая роль по отношению к сербскому и болгарскому локальному ареалу еще не утрачивается. Значительно усложняется картина соотношения древнеславянского литературного языка с "деловой речью", с латинскими и западноевропейскими элементами, с разными "стилями" в отдельных славянских литературных языках. Все эти вопросы должны быть рассмотрены отдельно, однако необходимой предпосылкой для этого являются изложенные выше положения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹Нами принят вместо широко распространенного термина "церковнославянский язык" термин "древнеславянский" потому, что церковнославянский язык функционировал не только в церковной сфере, а значительно шире и в древности чаще всего имел название просто "словенский".

²Памятники, по своему языку причисляемые к письменной традиции, установившейся в узком ареале, но возникшие за его пределами (моравские, хорватские, словенские), должны, по-видимому, в процессе исследования учитываться и рассматриваться во вторую очередь, после установления соответствующей общей модели для ряда памятников русского, сербского и болгарского происхождения. Во всяком случае вопросы изучения древних литературных славянских языков вне вышеуказанного ареала осложняются фактом латинско-славянского, а в некоторых случаях и немецко-славянского и италийско-славянского двуязычия и рядом иных факторов.

³Ср. мнение А. Мейя: "Состав этого письменного языка, с одной стороны, дает лингвистам почти эквивалент общеславянского, а с другой — представляет для них существенные затруднения: славянские народы, принадлежащие к восточной ветви, усвоили его как язык религиозный и прерватный, подобно греческому, византийскому или средне-южной латыни, а искусственный язык, называемый церковно-славянским. Вследствие этого мы не имеем ни одного древнего памятника, который совершенно точно передавал бы болгарский, сербский или русский язык" (Meyje A. Общеславянский язык. М., 1951. С. 7). Под термином "старославянский язык" мы понимаем только язык ряда памятников X—XI вв. (около 20). Круг этих памятников в принципе уже установлен и принят почти всеми исследователями (см.: Sadnik L., Aitzemüller R. Handwörterbuch zu den altkirchenslavischen Texten, Heidelberg, 1955. S. VII—VIII).

⁴И, последние работ следует отметить доклад И. Курна на IV съезде славистов (Kurz J. Čerkevnoslovanský jazyk jako mezinárodní kulturní (literární) jazyk Slovanstva // Sčkolovenskí přednášky pro IV Mezinárodní sjezd slavistů v Moskvě 1958) и статью А. Достала (Dostál A. Staroslověňština jako spisovný jazyk // Bull. Vysoké školy tureškové jazyka a literatury, II. Pr., 1959).

⁵Искусственность и интернациональный характер старославянского языка ощущалась и в древности. В этом смысле любознательные известные в науке представления Константина Костенского (XV в.) о том, что основоположники старославянского языка для передачи эвангелия (или сирийских, или еврейских) тонокостей "вѣрбѣше гьчѣайши и кракшии роушѣши языкъ, къ нѣмъже помѣчь вѣдѣше болгарскии и сербскии босмскии и словѣнскии и чешького чѣ и хръмѣтѣскии языкъ, а къ же вымѣстѣи бѣ гьчѣна писанѣи". Константин Костенский отмечает существование национальных изданий ("книгы прѣваго вѣдѣма, по предположению В. Ягича — азбукоником), которые включали "вѣрбѣше рѣчи гьчѣи сѣ". Создатели старославянского языка, по его мнению, отвергли неуместные, или "простые", или "тесные" слова, "добрыи же рѣчи бѣ коготоу сѣ языкъ азъше, и испѣньчѣше обрѣшана едѣни друми", и языкъ сѣице". Автор книги о письменном дает также объяснение, почему язык следует называть славянским: "зодъ рѣчи бѣ книжбѣи сѣмъ ни бѣбаче роушѣи ни сербскоу сѣ нарѣчѣи бѣ словѣнскоу, рѣ же сѣ языкъ бѣше плѣмѣи, ни бѣбаче роушѣи вѣщѣи" (см.: Ягич И. В. Рассуждения южнославянской и русской старины о церковно-славянском языке // Исследования по русскому языку. СПб., 1885—1895. Т. I. С. 396—398).

⁶Ср. важное замечание А. Достала: "Наиболее распространен взгляд, что старославянский язык стал языком литературным уже впоследствии, главным образом в церковнославянский период, когда церковнославянский язык был принят межславянским литературным языком (славянскими латыни). Однако необходимо признать литературность старославянского языка уже в период почти с возникновения старославянских памятников, так как с самого начала на этот язык были переданы тексты, очень важные для своего времени, и с самого начала в них имел характер местного языка. Константин и Мефодий, наоборот, первые же тексты написали для западной славянской области и задумывались о создании большой славянской литературы" (Dostál A. Staroslověňština jako spisovný jazyk. S. 138, резюме).

⁷На этом факте в свое время акцентировал внимание В.М. Истрин [см.: Истрин В.М. Очерк истории древнерусской литературы домонгольского периода (11—13 вв.). Пг., 1922. С. 54], а недавно его вновь подчеркнул Н.А. Мещерский [см. ответ на анкету ВЯ (1960, N. I. С. 63)].

⁸При этом некоторые списки были настолько близки друг к другу и так слабо отражали "территориальный субстрат", т.е. черты "восточно- или южнославянских диалектов, отличные от черт древнеславянского литературного языка, что в ряде случаев невозможно точно определить "редакцию" памятника. В иных случаях также остается спорным вопрос о первоначальной "редакции", т.е. о месте перевода памятника. Так обстоит и с Хроникой Георгия Амартола и с рядом других переводных произведений. Данные языка часто дают нам в этом отношении очень немногое. "Вообще определить язык перевода, — подчеркивает А.С. Орлов, — для X—XI—XII вв. весьма трудно. Ведь литературный язык русские получили из Болгарии и могли так хорошо писать на литературном языке Болгарии и так ловко подражать ему, что лишь в незначительной доле обнаруживают свой русский язык" (Орлов А.С. Древняя русская литература XI—XVI вв., М., 1937. С. 44).

⁹Ср.: Гачев Г. От синкретизма к художественности // Вопросы литературы. 1958. N 4.

¹⁰Говоря об изводах — русском, болгарском, сербском, мы не должны также упускать из виду тот факт, что помимо известного числа списков с довольно "мистичными" изводами было множество списков так называемых "смешанных" изводов, например памятников с чертами русского и болгарского народного языкового субстрата (здесь имеется в виду тот же "средний период" истории древнеславянского литературного языка). Таким является, к примеру, текст "Пчелы" 1599 г. (см.: Сперанский М.Н. Переводные сборники изречений в славяно-русской письменности, М., 1904. С. 371—392). В исследованиях отмечаются также "церковнославянский язык болгаро-сербского извода", "церковнославянский язык сербо-болгарского извода" и др. Об их особенностях см.: Соболевский А.И. Славяно-русская палеография. 2-е изд. СПб., 1908. С. 80.